

В. ДОЛГУШИИ

ЗРЕЛОСТЬ

Она приходит,
Когда себя возненавидишь
И танишься к тому,
чего не смог,
И сердце цель находит
И вылетает по-новому урок.
Зачем?
Чтоб зазвучала
Выстраданность строк.

Н. ШАМСУТДИНОВ

Или обманчиве,
или хор
Печалей непоследованных
Не ошарашат, как уход
Единственной,
Боготворимой,
Рванись за ней,
Веленую.
В холод,
В копье козлов, пади
к ногам.
Не отпуская,
Принудимый повод.
Но если хохот по губам,
И взгляд, затянутый
и пресный,
Сомнения переворошишь,
Плесни в заупытленную
песню
Лешего боли на дурак.
В шитыехиях вытятих,
как баржа,
Заморь загнившая и дед,
Осмисли пряхотью
и блаженю,
Но все же выпустей ее.

Н. ДУБРОВИИ

Опять прощаемся
с тобою,
Уходя каждый в
своей шаршрут.
Над нами небо
голубое.
И птицы о весне поют.
Нам снова быть весь
год в разлуке,
Как телесман
увидеть
люблю.
Мы вольно жмем друг
другу руки,
Но ветер не бросая
слов,
Нас утешать перед
дорогой
Не говориться ничего.
В ширпотных буднях
смени строго
Друг друга смеем мы
всегда,
Сладше совершим
накрою
И мероз палатку
я твою.
Тажимый ключ с
большой рукою
Откроем людям ваяю.

ВЕГЛО-КРАСНАЯ, до боли знакомая косынка, висло трепещущая на ветру в высоко поднятой девичьей руке, вдруг мелькнула перед глазами Виктора. От неожиданности он резко рванул гайку, ключ вырвался из рук и камнем полетел вниз. Виктор непроизвольно проследил, как он врезался в гребень мелкой волны, напоминающих сорокаметровой высоты верхнего пояса моста острые поглавки огромных осетров, и только тогда вновь отыскал глазами владелицу светло-красной косынки.

Девушка уже поднялась на средний пояс моста и уверенно шагала по шаткому деревянному настилу, с любопытством поглядывая вверх, где шел монтаж очередной панели.

— Почему ее никто не останавливал? — удивленно-тревожно подумалось Виктору. — Она смело топчет, будто и нет здесь реки. Еще голову задирает. А вдруг упадет?

От этой мысли по телу прошел холодок.

— Девушка, сейчас же остановись! — удивленно-тревожно крикнул он. — Здесь по сторонам нельзя ходить. Мост это, а не парк для прогулок.

— А я и не на прогулку. — Тот ему заисосиво-сердито ртавила девушка. — Бригады фа монтажников Семёнова ищут, а внизу у моста никого нет, в восторе никого — сегодня же воскресенье.

Саустились на средний пояс. Виктор увидел, что девушка послушно ждёт его там, где ее остановил его окрик.

— Значит, нужен Семёнов?

В глубоких насмешливых глазах парня играли любопытные искорки. Он держал в упор разглядывая неожиданную, непривычную гостью, которую не однажды встречал в поселке, но всегда в окружении мальчиш. Знал, что она учительница, живет в женском общежитии мостовиков, где, кстати, он бывал довольно часто, но ни разу не видел ее. Нравилась Виктору, эта недоуменно-загадочно — так за глаза прозвали ее парни.

— Ну, я Семёнов! — миролюбиво продолжил Виктор. — А

вы учительница, Светлана Павлова. Зачем же к нам пожаловали на мост?

Девушка, несколько не смущаясь от дерзких и любопытных взглядов собравшихся вокруг ее монтажников, живо объяснила, что хотела ей своим ученикам мост показать, а вот решила она проверить: страшно или нет на такую высоту подниматься.

— Что же, учеников мы, конечно, на мост не сможем

В Ы С О Т А

НОВЕЛЛА

пустить, а вот вашу смелость, раз уж вы сюда ворвались, мы проверим!

Проверим! — радостно-насмешливой улыбкой Светлана отблагодарила парня и смело зашагала за ним по мосту, весело размахивая ярко-красной косынкой.

На площадке мостового края верхнего пояса, куда Виктор привел девушку вопреки всяким инструкциям, ему пришлось на время оставить Светлану одну. Он должен был по мочью ребята мониторить боковые раскосы. Когда Виктор вернулся, то увидел, что Светлана стоит на краю металлической балки и зачарованно смотрит вниз. Тени легкого ребристых облаков отражались в таинственной глубине реки причудливыми золотистыми медузами, а переливающаяся серебром под лучами яркого солнца поверхность ее доннала впечатление о загадочно сказочной красоте Оби.

— Падают мост!

Этот пронзительно-отчаянный женский крик глухим эхом раскатился по металлическому гребню километровой коридору, висающему над рекою. Виктор обернулся на крик, увидел ярко-красную косынку, которую беспощадно трепал ветер, внося куда-то вдале, и все понял...

Раздался телефонный звонок. Виктор Петрович нето-

ропливо поднял трубку: — Семёнов слушает... Да, я начальник мостостроения. Едут работники? Буду здесь до обеда... Идет ли монтаж? Прокрежайте, все увидите.

Виктор Петрович так же неторопливо положил трубку телефона на место и, улыбаясь, взглянул на Володю:

— Вот какая со мною история приключилась!

— Так это вы про себя рассказали? А как же... вы живете? Остаются?

Веселый громкий смех Семёнова заставил взглянуть в дверь молоденькую секретаршу: уж не случилось ли что у начальника?

— А еще монтажником-сотником хочешь стать? Эх ты, племяш малый! То, Володя, не мост падал, и не Светлана Павлова — твои, кстати, тега. Дело тут в том, что у каждого человека, когда он с мостом вниз смотрит, где течет река, создается впечатление, что мост падает и кажется, что и ты падаешь вместе с ним в темную пучину. И нельзя работать на мосту тому, кого это чувство не покинет через неделю-две. Об опасности нельзя думать на высоте. Высота, она покоряется отчаянно смелым, сильным духом людям.

Л. ПЕТРОВА.

Н. ОСЛАПОВСКИИ

Без дождей и снегов пересохнет поток.
Не успеет распуститься, возьмет цветок.
Человек, не успеет на земле утвердиться,
Обречен защищать своей жизни источник.
Если друг тебя предал — его не кланяй.
Если враг с дружкой летит —

его не гони.
Уваженья к себе самому не роняй,
По достоинству каждого ты оцени.
Чтоб встречных красотой свести с ума,
Природа позаботилась сама.
Достоинством будь, чтоб след

не говорили:
Отчего же так поет, цемит твою сердце?
Посмотри с высоты, как земля хороша,
Разноцветью, простору внимают душа,
Отчего же так поет, цемит твою сердце?
Чья-то боль и тревога его обожгла.

ИМПЕРАТОРСКИЙ КЛУБ
СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

Июнь-74

С. ГЕНЕВСКАЯ

Просторы Сургута

Эх, раздолье!
Просторы без края...
Перекресток бетонных полог.
Море снега искрится,
играл.
Сыплет иней с таежных береа.

Эй, тайга, Потеснишься-ка ты малость.
Силе-силушке дай разойтись.
Сорон лет. Разве это нам старость.
Если вышки взвиваются ввысь?

А дороги! Бетонная память
Тем, кто строил их в топках болот,
Пережив молнию, топь и замить,
Полюбви край суровых красот.

Здесь и дышит все-таки глубже
И рождается гордость в тебе,
Что и ты здесь немаленько да нужен.
Благодарный тревожной судьбе

Журавушка

Передо мной руки таверне-
Живой, страдающий январь.
То мастера душ стремление
Лебедкой белой вьется вдале.

Журавушка взлететь не может,
С тоской стремящаяся ввысь.
И дрогнет твоё сердце тоже,
Лишь повнимательней вглядись.

Болотным уткам ты чужая.
Погибнешь среди них одна.
Твоя стихия — даль без края.

Страла, рвешься ты куда.
Ты вся — в порыве вальса диком.
В изгибе шен грусть тая.
И кажется, тоскливым криком
Вдурь разорвется грудь твоя.

Г. ЦАРЕНКО

В детство твоё
Не придет никогда
Черной колдуньей
Злая беда.
Имя такое
Носит она.
Горькое страшное
имя — война.
Пусть тебе снятся
Добрые сны.
Словно рассветы
ранней весны.
Спи, а я сон буду
Твоей охранять,
Шепчет, слышавшая,
Родная-мать.
Фотэ П. ЛЕВЧЕНКО.

П. ОВОД

Н а т а ш а

С МАЧАЛА тебя не было. Мы все тебя очень ждали. Мама, братишки-шмалани и я. Но однажды вечером я позвонил медсестре в родильное отделение и узнал, что ты появилась. На ширпотпу о знобю в коридоре больничном вместе с другими вписали и тебя. Правда, пока без имени. Просто «дочка».

Я хотел назвать тебя Светланой. Дня, когда ты родилась, был хоть и февральский, но солнечный. Братуку — нравилось имя Наташа, а мама ничего на говорит. Тогда мы решили тянуть жребий. Братик вытащил букву «С», я — «Н». И мама тоже досталась эта последняя буква. Итан, ты — Наташа...

Я очень люблю брать тебя на руки, приходи с работы. Ты плохо спишь, а когда все же забывалась а дрема. Было слышно в соседней комнате, как водит карандашом по бумаге твоей братки. Что тебе снилось в эти короткие минуты, ты еще не умела рассказать.

С ЕРЧАС из далекой Украины мне пишут, что ты начала ходить, держась за мамин палец. И подбираешь камешки на дорогах. Я жду не дожидаясь той минуты, когда крохотной ручонкой ты крепко схватишь и мой палец. Прилетай!